

практике. Только полным игнорированием последнего обстоятельства можно объяснить отнесение «Речи» к одическому жанру. Все элементы этого произведения не совпадают с поэтикой оды в практике Кантемира.

В самом деле, «Речь» написана силлабическим тринадцатисложником с женской рифмой и смежной рифмовкой без членения на строфы, совершенно тождественным со стихом, употреблявшимся Кантемиром в его сатирах, в «Петриде», в баснях, но ни в коем случае не в одах. Все оды (Кантемир называет их «песнями») написаны одиннадцатисложным стихом с обязательным строфическим членением и разнообразной рифмовкой (преимущественно перекрестной).¹⁹ Совершенно несовместимы с жанровыми требованиями панегирической оды разговорный тон «Речи», необходимые обороты (вроде «скочил с стула» и т. п.); «низкий» или, как его называет Кантемир, «подлый» стиль, и т. д.

«Речь к императрице Анне Иоанновне» не является ни посвящением, ни одой. Жанровая природа этого произведения определена самим Кантемиром совершенно точно и недвусмысленно в самом названии — «Речь». Это именно стихотворная речь, с которой автор обращается к императрице. Кантемир именует это произведение речью и в своих автокомментариях. Так, в примечании к ст. 40 Кантемир пишет: «Потому знать, что речь сия писана после сатиры. Подражал автор Буало, которой также же к королю речь писал преискусную» (разрядка наша, — Э. Г.). Кантемир имеет в виду «Discours au roi» Буало, предваряющую сатиры французского поэта и обращенную к Людовику XIV. В данном случае для нас эта ссылка на Буало имеет значение постольку, поскольку она показывает, как сам Кантемир определял жанровый тип своего произведения. Именно в жанре стихотворной речи Кантемир нашел ту художественную форму, которая оказалась наиболее соответствующей его авторскому замыслу.

¹⁹ Исключение составляет «Ода к императрице Анне Иоанновне в день ее рождения», написанная неравносложными стихами. В ней встречаются шести-, восьми-, одиннадцати-, двенадцати- и даже тринадцатисложные стихи. Но это необычное явление специально оговаривается в дошедших до нас примечаниях к оде, где говорится, что она представляет перевод с латинского сочинения учеников академической школы и что автор (т. е. Кантемир), «желая по близку держаться слов первоначального, не прилежал, чтоб стихи были равносложные: что потому не бесплодно случилось, что в сей оде включены почти все различные роды стихов, кои на русском стихотворстве употреблять можно» (Кантемир. Собрание стихотворений, стр. 466). Следовательно, сам Кантемир осознавал это как отступление от нормы. Характерно, что на найденном нами начальном листе этой оды, содержащем переработки, сделанные рукою Кантемира, видно, как он переделал все стихи в одиннадцатисложные, а существовавшие прежде строфы, неравные по числу строк, переделал в четверостишия (см. там же).